

Здесь живут чудовища

Сколько девочка себя помнила, она всегда жила в этом замке. Пылало ли над верхушками деревьев жаркое летнее солнце, валил ли снег, застывая мощёный потрескавшимися каменными плитами двор пышным белым покрывалом, хлестал ли ледяной осенний дождь, расцветали ли в парке яркие весенние цветы — она ни разу не покидала пределов, огороженных высокими каменными стенами. Бродила по запутанным коридорам, где звук шагов поглощался толстыми коврами, а под потолком встревоженной птицей металось эхо голосов, играла в своей комнатке, сидела за книгами в библиотеке, среди высоченных, забитых книгами шкафов, стояла на балконе, любясь пылающим вдалеке закатом, гуляла по дорожкам обширного парка, вившимся среди толстенных древесных стволов. И часто стояла у самых ворот, над которыми едва угадывалась надпись, сделанная большими, давно выцветшими от времени и непогоды буквами.

— Что здесь написано? — часто спрашивала она няню Соню.

Няня лишь молчала, шевелила чёрными с проседью усами, тяжело вздыхала и привлекала девочку к себе. И девочка тоже молчала, вдыхая исходящий от её передника запах стирального порошка, и думала о своём.

Майор Шнауцер тоже отмалчивался, ошетилив колючую бородку, дымя трубкой и нервно постукивая тростью по голенищу форменного сапога. Садовник Кролл опускал длинные уши, и, сказавшись занятым, уходил подальше, и принимался копать, или окучивать розы, или выдёргивать сорняки. А профессор де Филин отворачивал круглое с большими очками-"велосипедами" лицо и тоже тяжело вздыхал.

— Никогда не ходите за ворота, юная госпожа, — наставляли они девочку.

— Почему? — удивлялась та.

Но ей так никто и не отвечал. Либо герр Шнауцер, вскинув к крупному чёрному носу серебряные часы, подаренные ему когда-то за храбрость самим главнокомандующим, возвещал, что пора заниматься физкультурой, или историей, или географией. Либо профессор де Филин мягко, но настойчиво брал её мягким крылом под локоть и говорил, что они опаздывают на урок математики, физики или биологии, а столь сложными науками пренебрегать не следует ни в коем случае. Либо, семена многочисленными ножками, прибежала фрау Крабсен, и суетливо шевелила страшноватыми клешнями, и спрашивала, что приготовить на обед.

Девочка знала, что у самого подножья горы находится деревня. Стоя на балконе, она видела аккуратные домики, а, взяв подаренную ей как-то на день рождения отставным боцманом Осьми Ноггом подзорную трубу, могла разглядеть на её улочках её обитателей.

"Почему мы живём здесь?" — думала она. — "Почему не выйдем к людям?.."

Замок стоял на вершине невысокой, сплошь заросшей лесом горы. К нему вела дорога — узкая, каменная, извивающаяся меж гигантских дубов и древних корявых вязов. И упиралась прямо в ажурные, отлитые из бронзы, запертые на тяжеленный замок ворота.

Под горой плескалось море. В хорошую погоду оно было ласковым, лазурным, брызжущим яркими солнечными искорками, в плохую же хмурилось, яростно плевалось белой пеной, остервенело билось в обрывистый берег. Узенькая тропка ступеньками сбегала по склону горы на крошечный пляжик тонкого белого песка, стиснутый отвесными каменными стенами.

— Твоя собственная купаленка, милая, — говорила девочке няня. — Тут тебя никто не побеспокоит, никто не увидит.

— Но почему мне нельзя купаться на большом пляже, возле деревни, как и другим детям? — удивлялась девочка.

— Тебя могут увидеть, маленькая моя.

— Ну и что? Пусть видят. Я же не чудовище...

На этот вопрос няня не отвечала. Только порывисто прижимала к себе девочку.

— Не ходи туда, девонька... Не надо...

Замок окружала несокрушимая стена, сложенная из целых валунов. Огромные, тёмно-серые, заросшие зеленоватыми пятнами лишайника, они даже в самый зной таили в себе извечный холод. Девочка иногда прикладывала к ним ладошки и тут же отдёргивала, испугавшись, что вот-вот замёрзнет и превратится в ледяную статую.

Сквозь выщербленные плиты двора пробивались тоненькие травинки. Девочка любила гладить их, ощущая, как мягкие листки касаются её пальцев. Она мечтала, что эти травинки когда-нибудь вырастут и превратятся в травяные джунгли, в которых можно шутки ради прятаться от няни или профессора. Но в урочное время господин Кролл доставал из каменного сарая кривую косу, натачивал её, лязгая по лезвию точильным камнем, и безжалостно срезал едва выросшие зелёные ростки. И, погрузив их, нестерпимо сладко пахнущие, на хромую тачку, вывозил и сваливал у дороги, где они лежали, медленно высыхая и превращаясь в прах.

— Зачем? — спрашивала девочка.

— Так надо, юная госпожа... — садовник виновато разводил руками. И, встряхнув ушами, выпрямлялся и подмигивал: — Зато какие я вам посадил розы — просто загляденье!

Розы росли по краям замкового двора, в большущих каменных вазонах. Крупные, пышные, белые, красные и даже чёрные — они притягивали взор и источали одуряющий приторный запах. Нянечка всплёскивала пухлыми руками, ахала, качая головой, суровый майор, разглядывая их, одобритительно кивал, а профессор просто обожал нюхать их, сунув коротенький нос прямо в цветочную чашечку и вдыхая с присвистом.

— Положительно вы, уважаемый меесье, мастер своего дела! — говорил он Кроллу. — Авторитетно говорю вам как имеющий определённые познания в науках.

В самом замке царил полумрак, который не мог развеять даже свет мощных ламп. По коридорам и комнатам замка гуляли пронизывающие сквозняки, и даже летом здесь было холодно. Так холодно, что няня заставляла девочку надевать шерстяной свитер.

— Нянечка, но на улице так тепло! — часто молила её девочка. — Можно я пойду туда? Ведь какая разница, где я буду заниматься!

— Конечно, можешь, — ласковая Соня гладила её по голове. — Но только во дворик.

— Нянюшка, но мне так надоело сидеть взаперти!.. Я хочу погулять по лесу! Можно? Ну можно?!

— Это совершенно исключено! — сипел сидевший рядом в очередной раз простудившийся на сквозняках де Филин. — Мадемуазель, мы же неоднократно говорили об этом — неужели вы забыли?

После чего шумно хлебал целебный травяной чай, сваренный сердобольной фрау Крабсен, и добавлял, строго сверкая очками:

— Вам следует обратить особое внимание на биологию, мадемуазель. Это очень важная наука.

Девочка с тоской смотрела на окно, в которое били яркие солнечные лучи. И со вздохом перелистывала страницу лежавшей перед ней толстой книги.

— А когда вы закончите изучать биологию, — добавлял профессор, отставляя кружку с чаем, — мы займёмся анатомией. А потом примемся за изучение микробов. Вы слышали о такой науке, как микробиология?

В замке было тихо и сумрачно. Строго смотрели с развешанных на стенах портретов лица давно умерших предков девочки. Старинные гобелены являли сцены давно закончившихся битв и пышных пиров.

— Вы происходите из старинного, богатого, влиятельного и уважаемого рода, фройляйн! — чеканил майор Шнауцер. — Не посягайте на его честь! Учитесь прилежно!

И вновь и вновь заставлял девочку бегать по дорожке, перепрыгивать через высокий барьер и подтягиваться на турнике. И недовольно шевелил густыми бровями, морщил большой чёрный нос и щетинил бородку.

— Занимайтесь усерднее, фройляйн! Следующее упражнение — спортивная ходьба!..

Девочка умоляла его дать ей хоть минутку перевести дух. И, тяжело дыша, спрашивала с надеждой:

— А мы можем заниматься спортивной ходьбой там? — и указывала на подходящую к воротам ведущую в деревню дорогу.

— Что-о-о?! Нет! — отрезал... нет — отрубал майор. — Вы прекрасно знаете, что это недопустимо! Ни под каким видом! — и продолжал уже несколько более мягким тоном: — Ведь вас могут увидеть люди...

Впрочем, после физкультуры девочка едва волочила ноги. Сил оставалось лишь столько, чтобы доковылять до входа, подняться по лестнице на второй этаж и дотащить — иначе и не скажешь! — до своей комнатки. Какие уж тут прогулки!..

Но в комнате её уже ждал де Филин.

— Поторапливайтесь, мадемуазель! Химия — очень важная наука, и пренебрегать ею вам не советую!..

Обитатели замка никогда не покидали его, никогда не виделись с людьми.

Продукты и вообще всё, что им было нужно, доставлял рассыльный из деревенского магазина. Оставлял в условленном месте, на полпути к замку прямо у обочины дороги (там же стоял и почтовый ящик, куда доставляли почту для жителей замка), а потом уезжал и звонил из магазина по телефону. И тогда тощий и вертлявый Кондрат Лягушкин, смешно подпрыгивая на тонких лапчатых ногах, открывал настежь ворота, заскакивал в гараж и, то горланя песни, то ругаясь вполголоса (и боязливо поглядывая по сторонам — не услышал ли кто?), заводил дряхлый грузовик. Который сначала бойко скакал с кочки на кочку, а потом, возвращаясь с грузом, натужно кряхтел, кашлял и исходил дымом, будто заядлый курильщик.

— Харчи приехали! — залиvisto верещал Лягушкин, выскакивая из кабины.

И, вместе с фрау Крабсен и господином Кроллом, а иногда и майором принимался разгружать привезённое.

И люди никогда не приходили в замок.

И девочка не понимала, почему.

"Неужели мы такие страшные? Неужели мы чудовища?" — думала она.

Но, несмотря ни на что, девочка была вполне счастлива.

Прежде всего, ей нравилось учиться. Заковыристые математические уравнения будто загадывали ей загадки, которые не терпелось разгадать. Химические формулы таили секрет — что это за вещество, как оно себя ведёт и как его можно применить на деле. А теоремы геометрии будто ткали в неведомом пространстве паутину линий и плоскостей, и девочка парила среди них и одними лишь взмахами рук меняла их, складывая во всё новые и новые комбинации.

— Святой Пифагор Александрийский! — ахал, всматриваясь сквозь толстые очки, профессор де Филин. — Вы, уважаемая мадемуазель, только что совершили, не побоюсь этого слова, переворот в неевклидовой геометрии. Мои коллеги в Сорбонне просто, извините за выражение, спят, едва увидев всё это!!!

И продолжал ахать, глядя на нарисованные девочкой фигуры.

И физкультура была не так уж и плоха. Когда воспитаннице удавалось какие-то особо сложное упражнение, майор расщедрился на скупую похвалу.

— Великолепно, уважаемая фройляйн! Могу заверить, что вы, если вдруг захотите поступить на службу в армию (в последнее время туда берут и женщин), без проблем пройдёте медицинскую комиссию. Уж поверьте слову старого солдата!..

А в библиотеке можно было найти, казалось, любую книгу — научную, фантастическую, о приключениях. И любой журнал.

Почту в замок доставлял всё тот же Кондрат Лягушкин. Перед обедом вскакивал на дребезжащий велосипед, ехал к почтовому ящику, вскоре возвращался, шустро шлёпая вечно сырыми трёхпалыми лапами, поднимался по лестнице и, приплясывая, врвался в библиотеку.

— Извольте получить, барышня!

И протягивал пачку журналов, улыбаясь до ушей (впрочем, никаких ушей у него не было).

— Приятного чтения, сударыня!

А потом срывал с голой головы выдавшую виды кепчонку, лихо подбрасывал в воздух и так же лихо — гоп-ля! — ловил её на голову. И, церемонно поклонившись, шлёпал к себе.

А раз в неделю к песчаному пляжику внизу, у склонов горы, приплывал отставной боцман Осьми Ногг. Он притаскивал сеть, полную первосортной рыбы, перекладывал её фрау Крабсен в объёмистую сумку, после чего бултыхался в прозрачной воде, раскидывая щупальца и пуча огромные — как тарелки — глазища. Он подхватывал щупальцами девочку, размахивался и бросал её в воду, бдительно следя, чтобы она не оказалась слишком далеко от берега. А когда девочка уставала купаться, он выползал на самое мелководье и рассказывал морские истории, иногда такие, что мороз по коже, а другие — животики надорвёшь со смеху.

— Я переплыл все на свете моря и океаны! — бахвалился он. — Я видел и знаю всё на свете!

Разумеется, герр Шнауцер, кривя губы, возражал, утверждая, что всё на свете знать невозможно, и что даже он сам, отличник военной академии, и профессор де Филин, научное светило, знают далеко-далеко не всё. (Профессор стоял рядом и согласно кивал большой круглой головой.) Простодушный моряк обижался, пускал густую чернильную струю, булькал что-то на тему "всяких сухопутных всезнаек" и уходил подальше от берега. Но вскоре остывал, возвращался и на берегу играл с майором в покер, пока не приходило время вечерних занятий.

Да, хорошо было в замке!

И всё же девочке не давал покоя один вопрос. И она задавала его снова и снова — всем: и майору, и профессору, и нянечке, и фрау Крабсен, и bravому боцману, и садовнику:

— Почему никто не приходит к нам в гости? И почему мы сами не выходим в деревню?

Ответом было лишь молчание...

Время шло. Девочка выросла и превратилась в девушку. Она всё продолжала жить здесь и постигать научные премудрости.

И вот однажды, во время очередного экзамена, профессор де Филин поднял глаза от листа бумаги с написанными девушкой ответами, поправил очки, выпрямился и торжественно произнёс:

— Что ж, мадемуазель! Могу поздравить вас, ибо ваше обучение практически закончено. Вы усвоили все необходимые знания в области математики, физики, химии, биологии и медицины, что я смог вам дать.

Няня Соня обняла девушку и поцеловала в щёчку, щекотнув её усами:

— Рада за тебя, дорогая моя! — просто сказала она.

— Поздравляю вас, уважаемая фройляйн! — гаркнул майор, похуже, забыв, что находится не на плацу.

— Удачи и успехов! — фрау Крабсен неловко обняла её твёрдыми клешнями.

— Дай бог, чтобы у вас всё получилось, юная хозяйка, — садовник Кролл, малость склонный к сентиментальности, даже всплакнул и утёрся клетчатый платком.

— Ух ты! Ох ты! Вот так-так! Ух ты! Ох ты! Вот так-так! — суматошно заголосил Кондрат Лягушкин и от избытка чувств пустился в разухабистый танец со смешным названием "Камаринская".

— Ух ты! Ох ты! Вот так... квак!.. ой! прошу прощения...

Он всегда квакал, когда радовался или, наоборот, волновался.

А боцман Осьми Ногг (он сегодня как раз приплыл с новой партией рыбы) от радости даже подпрыгнул в воздух и шлёпнулся в воду с таким грохотом, будто над самым ухом бахнула пушка.

— Гип-гип-ура! Гип-гип-ура! — голосил он. — Слава нашей хозяйке, лучшему доктору в мире!

Пожилая добропорядочная дельфиниха, проплывавшая недалеко, долго ругала его за то, что он перепугал её детей. А, наконец выслушав, в чём причина столь бурного проявления восторга, тоже от всего сердца поздравила девушку.

— Хорошо, когда хороший лекарь живёт поблизости, — озабоченно добавила она. — А то детки, особенно маленькие, часто болеют...

А вечером, когда все собрались на праздничный ужин, профессор встал из-за стола и постучал вилкой по бокалу вина, призывая всех к вниманию.

— Сегодня утром я отправил с господином Лягушкиным трём величайшим учёным мира письма с просьбой выступить экзаменаторами моей дорогой воспитанницы, — сказал он. — Так что, мадемуазель, с завтрашнего же дня начинайте готовиться к окончательным экзаменам. Предупреждаю сразу, — тут добрейший профессор сурово нахмурил брови, — готовьтесь как следует, изо всех сил!

Девушка слушала его, широко раскрыв глаза.

— Не бойтесь, — де Филин подмигнул ей круглым глазом. — Я более чем уверен, что вы сдадите все экзамены на "отлично".

— На "отлично с плюсом", доложу я вам! — добавил герр Шнауцер.

— С двумя "плюсами"! — взмахнул руками Лягушкин. И снова приквакнул, и принялся суматошно извиняться.

Няня склонилась к девушке, прошептала тихонько:

— Не бойся, милая! А если что не заладится, мы всегда тебе поможем.

Профессор строго оглядел присутствующих.

— Однако настоятельно прошу вас, дамы и господа, не перебивать меня!.. Итак, мадемуазель, экзаменаторы прибудут через месяц. И к этому времени вы должны быть полностью готовы.

Девушка кивнула.

— Ну а сейчас давайте насладимся этим великолепным, роскошным, поистине королевским обедом, приготовленным мастерицей на все руки фрау Крабсен! — и де Филин галантно поклонился смутившейся поварихе.

Экзамены состоялись ровно через месяц.

Вызванные де Филином учёные связались с девушкой по скайпу. Сам профессор предусмотрительно отключил на её ноутбуке веб-камеру.

— Нельзя, чтобы они видели вас, мадемуазель! — печально, но твёрдо сказал он. — Поверьте: так надо!..

Из динамиков донёлся громкий кашель — кто-то из экзаменаторов бесцеремонно прочищал горло. Прочистил наконец и бросил вопросительно:

— Окей?

Он явно не отличался многословием...

— Пожалуй, пора приступать, синьоры коллеги, — заметил другой удивительно тонким голосом.

А третий бухнул гулким басом:

— Медам и месье, время дорого.

И девушке пришлось держать ответ.

Сначала были устные экзамены — по физике, химии, географии, биологии. Потом последовали письменные по тем же предметам и ещё математике; девушка набирала ответы на клавиатуре. За окнами жарко светило солнце; потом оно скрылось за пеленой туч; прошёл дождь, и, наконец, день стал клониться к вечеру. Уже давно прошло время ланча и послеполуденного чая, а экзамены всё длились и длились...

И вот, когда снаружи совсем стемнело, и няня зажгла в комнате свет, маэстро отложил карандаш и потёр плавником покрасневшие глаза.

— Что ж, синьоры, — устало проговорил учёный с тонким голосом, — полагаю, выражу наше общее мнение, если скажу, что эта юная синьорина — вероятно, лучшая студентка из всех, что я повидал на своём веку. Объём и глубина её познаний просто... просто... — и от волнения заговорил на родном языке, — ...incredibile¹. Eccezionale, Signoria, eccezionale!² — после чего, немного успокоившись и взяв себя в руки, добавил: — Я уверен, что её ждёт grande futuro³.

И ещё минуту продолжал восхищённо восклицать по-итальянски.

¹ Невероятны (итал.).

² Великолепно, синьорина, великолепно! (итал.)

³ Большое будущее (итал.).

— Присоединяюсь к вам, уважаемый месье, — произнёс обладатель гулкого баса. — К нам, в научное сообщество, пришёл изумительный анатом и хирург. Мои поздравления, мадемуазель! Диплом будет выслан вам в течение двух суток.

А немногословный лишь коротко бросил:

— Окей!

Что явно должно означать одобрение.

Добрая нянечка промокнула уголок глаза краем передника, счастливо улыбнулась. А профессор от радости подскочил едва ли не до потолка (что, учитывая высоту замковых потолков и весьма пухлую комплекцию почтенного де Филина, впечатляло).

— Поздравляю вас, мадемуазель! — сказал он. — От всей души поздравляю!

Через несколько дней приключилась беда.

Маленькая мышка, жившая в подвале, карабкаясь по полкам в поисках хлебных крошек, сорвалась, упала на пол и, напорвшись на валявшийся там осколок бутылки (наверно, неловкая повара не заметила его, подметая пол), разрешила себе бочок. Когда два её брата принесли пострадавшую на сооружённых из палочек и листиков носилках, она едва дышала, истекая кровью.

— Боже, какой ужас!.. — прошептала девушка, разглядывая страшную рану.

Но тотчас вскочила. Бросила взгляд на висящий на стене в золотой рамке недавно пришедший по почте диплом. Выпрямилась.

Её глаза метали холодные молнии.

— Месье профессор, готовьте инструменты! Начинаем срочную операцию!

Де Филин бросился в лабораторию, к автоклаву, где обычно стерилизовались хирургические инструменты. А девушка быстренько достала из походной аптечки одноразовый шприц, сломала головку ампулы.

— Потерпите немного, — шепнула она бедной мышке. — А сделаю вам укол обезболивающего.

Раненая зверушка полными отчаяния глазами смотрела на неё.

Тонким пинцетиком девушка осторожно вынула из раны крохотные осколки стекла. Чистым ватным тампоном, смоченным спиртом, промыла рану от грязи. Ловко орудуя иголочкой, зашила рану шёлковой нитью.

— Больной нужен покой, — строго сказала она. — Покой и хорошее питание. Через два дня больная встанет на ноги, а через неделю выздоровеет полностью.

Стоявшие рядом мышкены братья послушно кивнули, сдёрнули с голов сплетённые из травяных волокон шапочки и благодарно поклонились. А прибежавшая в ними мышкена дочка, совсем крохотная, пропищала:

— Спасибо!

И, подобрав подол платья, сшитого из цветочных лепестков, сделала очаровательный книксен.

А, проснувшись следующим утром, девушка увидела на столе горсть отборных лесных ягод, аккуратно разложенных на чистом лопушке. Всё это принесли ей благодарные мышки.

Прошло ещё какое-то время. И однажды в девушкиной комнате послышался довольно громкий шорох.

— Что это? — удивилась девушка.

Из едва заметной дырочки в плинтусе на пол выползло что-то чёрное. Выползло, растеклось бесформенным пятном, а потом, образовав правильный прямоугольник-каре, направилось прямо к хозяйке комнаты.

Девушка сразу поняла, что это непонятное нечто состоит из множества мелких частиц. И, достав из тумбочки лупу, присела на коленки и всмотрелась.

— Батюшки! — всплеснула руками заглянувшая к подопечной няня. — Это ещё что за напасть?

Девушка оторвалась от лупы, подняла голову и улыбнулась:

— Ничего страшного, нянюшка! Просто муравьиная армия.

Это и в самом деле были лесные муравьи. Взвод блестящих чёрных солдат лихо маршировал по полу, ведомый грозным генералом с длинными усищами и пышными эполетами на крутых плечах.

Склонив голову к самому полу, девушка уловила едва слышные команды:

— Ать-два! Ать-два! Ать-два! Взво-о-о-од, стой, ать-два!

Крохотные солдаты остановились.

Генерал выступил вперёд, пошевелил усами, откашлялся и закричал изо всех сил:

— Уважаемая владелица этого каменного муравейника! До нас от лесных мышей дошли слухи, что вы весьма искусны во врачебной науке. Нижайше просим оказать помощь нашему лучшему бойцу рядовому Быстроногу!

Два муравья-санитара, следовавших в конце колонны, быстро выбежали вперёд. Они несли носилки, на которых корчился страшно искалеченный муравей.

— Проклятые кроваво-красные муравьи-рабовладельцы совершили подлое нападение на наш дом, — пояснил генерал. — Они смяли наш передовой пост у чёрного дуба и начали продвижение по магистрали непосредственно к муравейнику, когда на их пути встал рядовой Быстроног. Он сдерживал их всё время, пока не подоспели основные силы... — тут грозный командир смолк и потупил голову. А когда продолжил, в голосе его зазвенела сталь: — Я поклялся клятвой Крылатой Королевы — её не может нарушить ни один муравей, — что мой солдат, герой всего нашего народа не умрёт!.. Прошу, умоляю вас, госпожа, помогите ему!

Санитары поднесли носилки поближе, поставили на пол. Девушка напрягла зрение.

Обе передние лапки несчастного Быстронога были вырваны из суставов и лежали тут же, на носилках. Остальные, сломанные, кое-как перевязанные соломинками и былинками, беспомощно торчали в стороны. Чёрный панцирь покрывали глубокие шрамы.

Девушка вытерла предательские слёзы — доктору негоже плакать.

— Я помогу ему, господин генерал! — твёрдо сказала она. — Я... я... клянусь клятвой Гиппократы — её не может нарушить ни один врач, — что ваш солдат, ваш соплеменник, ваш герой не умрёт! Я немедленно приступлю к лечению!!!

Неслышно подошедший профессор де Филин тихонько шепнул ей:

— Тяжёлый случай... Я бы даже сказал: тяжелейший...

— Пусть так! — девушка сжала кулачки. — Но я дала клятву!..

Генерал молча отковырял и скомандовал отход. И, тронув напоследок среднюю сломанную лапку израненного солдата, прошептал:

— Держитесь, боец!..

Девушка немедленно приступила к работе.

Смочив ватку в хлороформе, она положила её на голову раненого муравья и держала, пока тот не заснул. Перенесла его на предметный столик микроскопа, отрегулировала резкость.

— Нужно больше света, — сказала замершему рядом профессору.

Сияние мощных ламп рассеяло последние частички мрака, вползшего в помещение снаружи. На дворе стояла глубокая ночь, но обитателям замка было не до сна.

— Хоть бы он выжил... хоть бы он выжил... солдатик наш крохотный... — бормотала няня Соня, ходя взад-вперёд перед закрытой дверью, ведущей в лабораторию, и заламывая руки.

Ещё никто в мире не делал таких сложных операций.

Самой маленькой иголкой, которая только нашлась у неё, девушка пришила муравью оторванные лапки. Сшила все тоненькие мышцы, все едва заметные сосудики, все микроскопические нервики — чтобы не страдал больше изуродованный боец, чтобы не сделался беспомощным калеккой. А вместо напрочь оторванного кончика средней лапки она поставила ему протез из титана — самого прочного на свете металла.

Лишь вечером следующего дня девушка закончила. Бессильно откинулась на спинку стула, выронила сжатый в окаменевших от усталости пальцах пинцет, закрыла глаза и провалилась в глубокий сон без сновидений.

Она не видела, как взвод муравьиных солдат во главе с генералом, осторожно шагая на цыпочках, вошёл в комнату, как генерал уже было сорвал с головы фуражку, готовый услышать самые страшные новости, и как суровые бойцы прыгали от радости, узнав, что их боевой товарищ будет жить.

— Вас переводят в наш армейский госпиталь для долечивания, боец! — генерал положил корявую лапу на плечо раненого. — Прошла уже неделя после операции, и вы для этого достаточно окрепли, сержант!

— Прошу прощения, господин главнокомандующий, но я — простой рядовой... — слабым голосом ответил муравей-солдат.

— Отставить! — рявкнул командующий. Но тут же смущённо прикрыл рот: — Виноват, госпожа медик, требуется соблюдать тишину!.. Вы, боец, более не рядовой — пользуясь кое-какими связями в генштабе, я ходатайствовал о присвоении вам сержантского звания. Вы заслужили это, сержант Быстроног!

Раненый вскинул лапку, отдавая честь. Улыбнулся.

— Спасибо вам...

Генерал тем временем довольно покручивал усы.

— Полагаю, вам не терпится повидаться с родными... Санитары! Санитары, где вас черти носят?

Подскочили два муравья-санитара с носилками.

— А сколько у вас родственников, уважаемый Быстроног? — спросила девушка, пока раненого перекладывали на носилки.

— Да хватает... — ответил тот. — Сто тысяч — весь муравейник.

Но самая страшная беда пришла позже — осенью.

Откуда появилась болезнь — никто не знал. Может, её принёс сильный ветер, разразившийся несколько дней назад, поломавший поблизости от замка несколько деревьев и, по слухам, сорвавший крышу с одного из деревенских домов, вместе с песчинками и тонкими частичками пыли из далёкой Сахары. Может, она приплыла морем вместе с какой-то рыбой из далёких тропиков. А может, её привезли туристы, частенько заявлявшие в деревню поглазеть на старинные каменные дома многовековой давности и полюбоваться издали на возвышающийся на горе замок.

От болезни не было спасения. Ни крепкие замки, ни плотные марлевые повязки, ни даже сильнодействующие лекарства, из тех, что принимают строго по рецептам и только в поликлиниках под надзором врача, не помогали.

— Болеют малыши, болеют... — тихо выдыхал Кондрат Лягушкин, когда привозил почту. — Тают на глазах...

И протягивал тоненькую, в два листа, деревенскую газету, и шумно утирал слёзы рукавом потёртой форменной куртки, и всхлипывал снова и снова.

Болели только дети. На уроках, сидя в крохотной деревенской школе, занимавшей домишко на окраине, дома, на улице, во время шумной игры, они вдруг слабели, оседали на землю, судорожно глотая воздух, заходясь неистовым кашлем, и не могли подняться. А потом, лёжа в постели, теряли сознание, бредили, вскрикивали, размахивали руками, будто отбивались от нападавших на них неведомых чудовищ.

Из столицы прибыло десятка два лучших врачей — но и они были не в силах ни вылечить заболевших, ни даже остановить болезнь. Всё, что оставалось несчастным родителям, — смотреть, как тихо угасают их дети...

— Просто ужас... — тряс газетой господин Кролл. — И никто ничего не может сделать!..

— И даже не знает, что делать и как... — вторила ему фрау Крабсен.

— Наука бессильна, — мрачно констатировал майор Шнауцер и сильнее обычного щёлкал тросточкой по голенищу сапога.

— Все заболели... — не скрываясь, плакал отставной боцман Осьми Ногг. — Все! Ни одного здорового ребёнка! Гром и молния, будь я трижды проклят, если бы не отдал половину своих щупалец, только чтобы они поправились!!!

— Это что-то совершенно... совершенно... — профессор де Филин никак не мог подобрать подходящего слова, — ...совершенно сверхъестественное! Не будь я убеждённым атеистом и приверженцем научного склада ума, я бы, пожалуй, поверил в козни врага рода человеческого — дьявола... Дьявольщина какая-то, клянусь святым Луи Пастером!..

А няня лишь тихо плакала:

— Бедные... бедные детки...

Девушка не находила себе места. Часами она просиживала в лаборатории, изучая самые последние выпуски фармакопеи — справочника всех лекарств, которые только есть на свете. Рассматривала сверкающие безупречной чистотой инструменты и приборы, с помощью которых учёные-микробиологи изучают болезнетворные микробы. И думала, думала: неужели в этом мире нет ничего, что могло бы остановить болезнь? неужели во всём мире нет никого, кто смог бы это сделать?

— Если не я — тогда кто же?! — наконец решила она.

— Взять пробу крови. И доставить к вам. И немедленно. Ясно.

Голос деревенского доктора, доносившийся из телефонной трубки, был тих и измучен. Однако звучал твёрдо.

— Я сделаю всё, что вы скажете, госпожа доктор! — подтвердил он. И добавил с сомнением: — Но... вы уверены, что сможете сделать лекарство? Если уж двадцать мировых медицинских светил не смогли...

— Уверена, — так же твёрдо ответила девушка. — Если не я — тогда кто же?!

Договорились, что шприц с пробой крови доктор доставит в условленное место и положит в почтовый ящик. А Лягушкин заберёт его и привезёт в замок.

— Постарайтесь не потерять и не разбить его, уважаемый! — майор грозно зашевелил бородой. — На кон поставлены жизни детей!

Лягушкин малость струхнул — уж больно свиреп был отставной вояка. Но тут же справился с собой, выпрямился, выпятил тощую грудь и даже отдал честь, правда, левой рукой:

— Я сделаю всё как надо, ваше превосходительство! Я не подведу, сударыня! Я... я сейчас быстро — одна нога здесь, другая там!

И укатил, дребезжа велосипедом.

Он вернулся через пять минут. Грохнул велосипед о каменные плиты и, спотыкаясь, помчался наверх.

В неловких трёхпалых руках он, как величайшую в мире драгоценность, нёс шприц с несколькими капельками крови.

Лекарство было готово через неделю.

Девушка распечатала пять одноразовых шприцев, осторожно набрала в них из пробирки мутноватую белёсую жидкость, положила шприцы под свет ультрафиолетовой лампы, свет которой убивает все микробы, вновь вложила их в упаковку и тщательно её заклеила.

Она хотела сама отвезти лекарство, но няня воспротивилась. Отобрала шприцы, крикнула Лягушкина, быстро отдала ему необходимые указания и принялась звонить в деревню доктору.

"Почему меня не пускают к людям?.." — снова подумала девушка.

Она видела в окно, как тощий Кондрат, держа в вытянутой руке шприцы, несётся в сторону сарая, где он держал велосипед, как роняет фуражку с головы, наклоняется, чтобы поднять её, машет рукой, как подбегает к сараю, как лихорадочно ковыряет ключом в тугом замке...

"Хоть бы он успел!.. Хоть бы успел..."

Неслышно подошла нянюшка, приобняла девушку за тонкие плечики.

— Хоть бы он успел... — едва слышно прошептала она.

Лягушкин успел. И лекарство помогло.

Кондрат, когда принёс свежую почту, распевал во всё горло песню собственного сочинения, а, оказавшись наверху, принялся отплясывать свою смешную "Камаринскую". Няне даже пришлось как следует цыкнуть, чтобы он угомонился.

— Так детишки-то выздоровели! — заголосил он в ответ. — Как пить дать, выздоровели!!! Квак! Квак! Квак!

И, забыв извиниться, пустился в пляс.

Девушка связалась с учёными, принимавшими у неё экзамен, и, краснея и смущаясь, сообщила о своём успехе. Те не скупилась на похвалы и посоветовали девушке написать статью в научный журнал.

— Это будет фурор! — воскликнул обладатель тонкого голоса.

— Вам гарантирована всемирная слава! — уверенно заметил бас. — А возможно, и Нобелевская премия.

— Окей, — подытожил немногословный.

А вечером в деревне был праздник в честь избавления детей от болезни и, разумеется, спасшей их молодой учёной. Сначала деревенский голова произнёс речь на главной площади, потом жители устроили карнавальное шествие с ряжеными и горящими факелами, а затем последовало обильное угощение с не менее обильными возлияниями. До самой ночи со стороны деревни доносились нестройные песни, а единственный тамошний полицейский замучился разводить подгулявших селян по домам.

Девушка долго смотрела на пышное празднество в подзорную трубу. А потом не спала всю ночь, размышляя...

— Почему?

Профессор де Филин переглянулся с няней Соней. Сказал в ответ:

— Вы, мадемуазель, хотите устроить прямо здесь, в замке, праздник для деревенских детей. Но... понимаете... — тут он замялся, — ...мы... э-э-э... скажем так...

— Мы не такие, как селяне, — пришла ему на помощь нянюшка. — Пойми это, милая.

— Вот именно! — подтвердил достопочтенный месье. — И, встретившись с нами, они могут... скажем так... удивиться или даже испугаться...

Девушка недоумённо посмотрела на них.

— Но зачем им пугаться? Вы совсем не страшные, а, наоборот, очень милые. И герр Шнауцер, и фрау Крабсен, и господин Кролл, и господин Лягушкин, и даже боцман Осьми Ногг... хоть он, на мой взгляд, ведёт себя слишком шумно... Разве мы настолько ужасны?

Профессор и няня снова переглянулись.

— Разве мы чудовища?.. — растерянно добавила девушка.

Месье де Филин поспешно (даже, как ей показалось, слишком поспешно) возразил:

— Нет-нет, что вы!.. Совсем даже наоборот! Вы избавили деревенских детей от опаснейшей болезни, вылечили их благодаря своему уму и таланту. Вы — их спасительница!

— Тогда — в чём же дело? — девушка улыбнулась. — Ведь я не хочу им ничего дурного. Просто небольшое торжество с угощением. Я слышала, дети любят сладкое? Почему бы фрау Крабсен не испечь для них большой шоколадный торт?

Ответом было молчание.

— Месье профессор! Нянюшка моя любимая! — взмолилась она. — Я всю жизнь провела взаперти! Вы не разрешали мне играть с другими детьми, не позволяли даже выходить за ворота!.. Пожалуйста... ну, пожалуйста!.. позвольте мне хоть раз встретиться с людьми...

И добавила еле слышно, задыхаясь от волнения:

— Хоть один-единственный раз в жизни!..

Профессор замялся. Переглянулся с няней. Заговорил медленно, тихо и неуверенно:

— Ну-у-у... даже не знаю... мы ведь никогда... никогда... Хотя, — тут он встряхнулся и продолжил уже более решительно, — возможно, ничего страшного всё же не случится, если мы пригласим проживающих в деревне детей на небольшое торжество. Разумеется, вместе с родителями — их одних сюда не отпустят... Фрукты, лимонад, пирожные, а напоследок — чай с вышеупомянутым тортом. Что думаете по этому поводу, глубокоуважаемая мадам?

Няня с безграничной любовью смотрела на девушку. В уголке её глаза блеснула слезинка.

— Раз уж вы настаиваете, господин де Филин... — медленно и тихо произнесла наконец она. — Раз уж ты настаиваешь, девонька моя...

И направилась прочь из спальни.

— Пойду поговорю с поварихой...

Подготовка к празднику велась полным ходом. Фрау Крабсен выписала из-за границы лучшего шоколада, что смогла отыскать. В городе заказали целый грузовик пирожных и целую цистерну лимонада. А в самый большой цветочный магазин было отправлено указание доставить два фургона наипервейших цветов.

Добросовестная повариха сразу же принялась колдовать над каким-то мудрёным кремом для торта, который готовится из тридцати трёх ингредиентов и делается в течение трёх дней. Няня взялась изготавливать бумажные гирлянды, что, по её словам, раньше у неё получалось неплохо. Профессор засел в своей лаборатории в подвале делать фейерверки; за мощной стальной дверью постоянно что-то гроыхало и взрывалось, а сквозь щёлку у самого пола просачивались едкие запахи. Господин Кролл взялся за грабли и выгреб из парка все палые листья. Майор несколько раз делал замечание садовнику, чтобы он наконец-то покрасил давным-давно облезшую от времени и дождей беседку в парке, да так и не допросился, натянул прямо поверх мундира драную спецовку и покрасил сам. А отставной боцман ради такого случая нанёс внеочередной визит и торжественно вручил девочке в собственные руки увесистый полиэтиленовый мешок с лучшими заморскими фруктами.

Самой девочке, увы, не нашлось занятия. Няня сказала, что она и так устала, пока корпела над лекарством, и пусть теперь отдохнёт: поспит, погуляет по парку, почитает что-нибудь лёгкое, не связанное с наукой. Но спать ей не хотелось, гулять и читать тоже — все её мысли были заняты предстоящим праздником.

"Какие они, деревенские дети?" — думала девушка. — "Я ведь даже ни разу не видела их вблизи — лишь издали, с балкона, в подзорную трубу... Вдруг они невлюбят меня?.. Вдруг они злые, капризные и жестокие?.."

Девушка стояла у окна и смотрела на раскинувшийся за стеной лес, охваченный ослепительно-красным, сказочно красивым, отчаянно весёлым пожаром осени.

"Нет, быть такого не может! Все дети хорошие. Так ведь?"

Внизу, в море, неподалёку от берега, резвились в волнах молодые дельфины.

"А вдруг нет?.."

Вспомнились слова нянюшки, сомнение, легко читающееся на её морщинистом лице. Вспомнилось, как беспокойно переглядывались няня и профессор.

"Нет! И думать о таком забудь! Дети — хорошие. Вспомни, как весело они плясали на деревенском гулянии! Злые люди не могут так плясать!"

Издалека донеслось треньканье звонка Лягушкинского велосипеда. Тот спешил передать ответ жителей деревни на отправленное им утром приглашение.

— Они придут! — заорал Лягушкин, ещё не появившись из-за поворота. — Завтра в... квак!.. ой! прошу прощения... в шесть они придут!

"Они придут", — девушка улыбнулась. — "Пусть приходят! Мы будем им рады. Мы же не чудовища какие..."

Лёгкие осенние сумерки тронули всё ещё синее, но уже пронизанное наступающими холодами небо, когда всё было готово к празднику.

На ветвях деревьев зажглись аккуратно прикрепленные проволокой электрические светильники. (Их развешивал сам герр майор, ибо не отличающегося сноровкой садовника так, по его собственному выражению, долбануло, что его пришлось отпаивать сначала нянечке — валерьянкой, а потом профессору — коньяком.) Над замковым двором вились бумажные гирлянды, ажурные, воздушные — няня и впрямь была мастерицей делать такие штуковины. По краям стояли столы с угощением. Играла музыка: садовник, майор и профессор втроём, пыхтя и потея, выволокли во двор большие динамики и подключили их к ноутбуку девушки. А на особых подставках были установлены сделанные профессором фейерверки — их планировалось запустить позже, когда совсем стемнеет.

Профессор де Филин облачился в лучший фрак и разыскал в недрах своего объёмистого гардероба высокий блестящий цилиндр и галстук-"бабочку". Майор Шнауцер извлёк из походного чемоданчика парадную форму и надел все ордена, что получил за время службы в армии. Господин Кролл сменил потёртый, вечно заляпанный грязью комбинезон на легкомысленную жёлтую рубашу, усеянную аляповатыми красными цветочками, и синие штаны до колен, такие широкие, что он вечно цеплялся ими за всё попало.

— Моя единственная приличная одежонка!.. — виновато опустил он уши в ответ на упрёки.

Няня и повариха тоже принарядились.

А девушка надела своё лучшее платье — то самое, что берегла для особого случая.

Тикали стоявшие на полочке часы; минутная стрелка неотвратимо приближалась к двенадцати, а часовая — к шести. Шелест волнуемой лёгким ветерком древесной листвы вплетался в доносящуюся из колонок тихую музыку. Тёплый сумрак сладко пах цветами.

"Как хорошо..." — подумалось девушке.

Она сделала несколько танцевальных па, которым её научила нянюшка. Остановилась перед зеркалом, придирчиво осмотрела себя.

"Не опозориться бы перед гостями!.."

Зашлёпал вечно мокрыми ногами по плитам Лягушкин, засвистел какой-то залихватский мотивчик. Шумно поприветствовал майора ("Здрасьте, ваше сковородие!.. квак! прошу прощения... благодародие!"), профессора ("Моё почтение, сударь книгочей!"), няню ("Доброго вечерочку, тётя Соня!"), садовника ("Привет, тятка-лопата! Уши подбери — оттопчешь!"). Углядел стол с угощением ("О-о-о, харчи!"), подскочил к нему, сунул в рот пирожное ("Сладкое-то какое, вкусное — язык проглотить! Ням-ням... бу-бу... я говорю: прям нектар!.. ням-ням..."). Запоздало ответил на вопрос майора:

— Дак едут же едут! Сам видел с бугра. Все деревенские как один. Вон — слышишь, служивый? — тархтелки на дороге тархтят. Скоро здесь будут!

На столе стояло блюдо тончайшего фарфора, полное привезённых боцманом фруктов. Детишки, наверно, таких в жизни не видели — пусть порадуются...

Натужно рявкнул дизелем старенький грузовичок, бибикнул, снова рявкнул и смолк. Послышался шум голосов. Зафырчали другие машины, наперебой запели клаксонами.

"Приехали!"

Ворота были распахнуты настежь. Но оробевшие дети не спешили входить, боязливо толклись рядом, переминались с ноги на ногу, бросали тревожные взгляды друг на друга. За их спинами приоткрылись родители — бледные лица, тёмные настороженные глаза.

Их нетрудно было понять — ведь до этого момента никто из жителей деревни даже не приближался к замку.

Майор нервно дёрнул бородкой, хлестнул тростью по голенищу начищенного до зеркального блеска сапога. Няня за его спиной нервно заламывала пальцы.

Горели на ветках фонарики, ажурные бумажные гирлянды покачивались от ветерка. Играла нежная музыка. Сладко пахло цветами.

Тук-тук! Тук-тук! Тук-тук! — отдавался в висках девушки пульс.

"Почему они медлят?.."

Наконец профессор издал смущённое "гм!.." Поправил "бабочку", шагнул вперёд, широко расставил крылья.

— Добрый вечер, уважаемые селяне! — возвестил он. — Позвольте пригласить вас на небольшое торжество, посвящённое благополучному излечению ваших любимых чад от тяжёлой болезни! Добро пожаловать!

Но собравшиеся продолжали стоять неподвижно, бросая сумрачные взгляды на достопочтенного учёного.

И тут выступила вперёд нянюшка.

— Вы, господин профессор, хоть и умный, но в житейских делах, прошу прощения, драк дураком! Всё бы вам речи произносить... всех гостей этими речами распугаете... — уперев крепкие руки в бока, напустилась она на де Филина. И обратилась к селянам: — А ну, детки, шагайте к нам! Не бойтесь — мы ж не чудища какие!.. И родителей своих ведите — а то они, ха-ха, аж белые все с ужасу! Ну, давайте, посмелее, не робейте!

— Пирожные — высший класс! — заголосил, улыбаясь во весь широченный рот, Кондрат. — Лимонад — сладкий, что твой нектар! И можно лопать сколько влезет!

Его зелёная физиономия была перепачкана разноцветным кремом.

Наконец невысокая коренастая девочка сжала губки, нахмурила бровки и решительно шагнула в ворота. Остановилась, сжала кулачки, пошевелила крепкими скулами и сделала ещё шаг, потом ещё и ещё.

— Давайте-давайте! Посмелее!

Два мальчика, один худенький, другой толстенький, двинулись следом. Худенький сразу же заинтересовался светильниками, с интересом рассматривал идущие к ним провода, патроны с лампочками, спросил что-то у герра Шнауцера, и последний пустился в долгие, изобилующие техническими терминами разъяснения. А толстенький двинулся напрямик к столам, одним духом проглотил пирожное, запил стаканом лимонада и, не теряя времени, принялся поглощать второе.

— Заходите, все заходите! — улыбалась няня. Напустилась на родителей: — А вы что прячетесь за детками? Душа в пятки ушла? Ох и храбрецы!.. — и захохотала.

Один за другим деревенские жители проходили в ворота. Скоро на замковом дворе, надо сказать, немаленьком, было тесновато.

Профессор вскинул крылья, призывая к тишине:

— А теперь хочу представить вам, медам и месье, нашу хозяйку! Она — величайшая учёная в мире. Это она создала лекарство, что вылечило ваших детей! Да-да!

"Пора!.."

Девушка уже давно дожидалась своей очереди в холле. Блюдо с фруктами стояло на столике рядом.

— Бу, бу, бу, бум-бурум-бум-бум-бум, бум-бурум-бум-бум-бум, бум, бум, бум-бум-бум! — Лягушкин, шлёпая губами, немзыкально изобразил нечто похожее на туш.

"Пора!"

Она подхватила блюдо и шагнула в дверь.

Собравшиеся все как один повернули головы в её сторону. Все разговоры вмиг прекратились; казалось, даже музыка смолкла.

В устремлённых на неё широко раскрытых глазах разгоралось тёмное пламя ужаса.

— Чудовище! — взвизгнула какая-то женщина.

— Чудовище! — истерически завопил худосочный мужичонка, на бледное лицо которого сыпались с макушки бесцветные волосы.

— Чудовище! — заплакал ребёнок.

— Чудовище! Чудовище! Чудовище! — раздавалось со всех сторон.

Собравшиеся, вопя и толкаясь, бросились к выходу. Взревели моторы, машины рванулись прочь по дороге.

В мгновение ока двор опустел.

А девушка так и стояла на крыльце, не в силах сдвинуться с места.

Её пальцы разжались. Драгоценное фарфоровое блюдо упало на каменные ступени и разбилось на тысячу осколков. Румяные, налитые, пронизанные южным солнцем фрукты рассыпались по грязному двору.

Лишь поздно-поздно вечером, когда замок окутал густой мрак, а на непроглядно-чёрном небе зажглись ледяные звёзды, девушка перестала плакать.

У неё уже не было слёз. Она просто стояла, спрятав лицо на груди старой няни и тихонько вздрагивая. А Соня гладила её по голове своими мягкими сморщенными руками и шептала бесполезные слова утешенья.

А когда девушка, поникнув головой, медленно, как сомнамбула, отправилась к себе, герр Шнауцер встряхнулся. Кивнул профессору, вздохнул, положив руку на плечо роняющей слёзы няне, и попросил у садовника ключи от подсобки.

Одна-единственная слеза выскользнула из его суровых стальных глаз и утонула в густой жёсткой бороде.

Майор надел спецовку, достал ведёрко с белой краской, кисть и фонарь. Вышел за ворота и, подсвечивая себе фонарём, обвёл краской контуры букв, составляющих надпись на перекладине.

Массивный ключ тяжело, с надсадным скрежетом провернулся в тугом замке. Ворота резко клацнули, закрываясь.

На вершине невысокой, сплошь заросшей лесом горы стоит старинный замок. К нему ведёт дорога — узкая, каменистая, извивающаяся меж гигантских дубов и древних корявых вязов. И подходит прямо к тяжёлым, отлитым из прочной бронзы воротам, которые больше никогда не отпираются.

Замок окружает несокрушимая стена, сложенная из целых валунов. Огромные, тёмно-серые, заросшие зеленоватыми пятнами лишайника, они даже в самый зной таят в себе извечный холод. Бесприютный бродяга-ветер носит по мощённому потрескавшимся каменными плитами двору сухие листья, обрывает последние лепестки с пожухлых, давно отцветших роз. Кое-где на ветвях деревьев всё ещё висят электрические фонарики с оборванными проводами, а по краям двора до сих пор громоздятся столы с давно засохшими пирожными.

Пылает ли над верхушками деревьев жаркое летнее солнце, валит ли снег, устилая всё вокруг пышным белым покрывалом, хлещет ли ледяной осенний дождь, расцветают ли в парке яркие весенние цветы — замковый двор всегда пуст. Высокие стрельчатые окна всегда закрыты и затянуты плотными занавесками, массивные двери парадного входа заперты на замок — и никто не знает, что творится за ними.

И никто никогда больше не заведёт машину, не поднимется по извилистой дороге, рыча мотором и визжа тормозами на крутых поворотах, не остановится у стены, не войдёт в ворота, на перекладине которых хорошо заметна выведенная крупными белыми буквами надпись:

"Здесь живут чудовища".

Ноябрь-декабрь 2015 г., февраль 2016 г.